

ТУВИНЦЫ СИНЬЦЗЯНА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1993 И 2012 гг.)

© 2018 М. МОНГУШ

DOI: 10.31857/S032150750000102-4

В статье представлены результаты полевых исследований, которые проводились автором среди тувинского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая в 1993 и 2012 гг. Исследуются этнические и этнокультурные процессы, родоплеменной состав, этноязыковая ситуация и межэтнические отношения у китайских тувинцев. Особое внимание уделяется изменениям, происходящим в современной жизни тувинцев Синьцзяна.

Ключевые слова: Синьцзян, Тува, тувинцы, национальные меньшинства Китая, этнокультурные процессы, этноязыковая ситуация, межэтнические отношения

TUVANS OF XINJIANG AT THE TURN OF THE CENTURY

Marina V. MONGUSH, Dr.Sc. (History), Leading Specialist, State Archive of Russian Federation (monmarvas@mail.ru)

The author investigates features of the way of life and culture of the Tuvans living in Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China. The majority of Tuvans live in Russia, where they have a recognized position and territory - the Republic Tuva. In the territory of China, Tuvans are national minorities and do not have national-territorial status. However the Chinese Tuvans still keep their native language, ethnic consciousness and traditional lines of the culture. This article focuses on elements ranging from "historical baggage" to the language and cultural situation of this community, to relations with host societies, and to the interaction between these factors.

In this paper, the author introduced material that was gathered about the Tuvans in China. Her studies are based on the results of her field-work in 1993 and 2012 and the research of Russian scholars.

The academic value of this paper is that it displays features of historical and cultural communications of the Tuvans with other peoples - Mongols, Kazakhs, Chinese, and representatives of other ethnic groups; illuminates the problem of the influences of surrounding peoples on the economic way of life and culture of the Tuvans; identifies the main tendencies in the functioning of language, ethnic consciousness, ethno-demographic and ethnocultural development of the Chinese Tuvans; discloses the nature of their interaction with the center in China; and reflects on specifics of the adaptation of Tuvans to conditions of Chinese statehood. Consideration of the above-mentioned topics was carried out in a number of specific directions, most of which had not been studied earlier. For example, an attempt was made to reveal problems in the development of patrimonial, ethnic and language identity among Chinese Tuvans.

Keywords: Xinjiang, the Tuvans, national minorities in China, ethnocultural processes, ethnolanguage situation, interethnic relations

Тувинцы - тюркоязычный народ шаманско-буддийского вероисповедания, живущий на территории России, где в пределах его расселения образована национальная государственность - Республика Тыва. Численность тувинцев составляет 244 тыс. человек. Часть тувинцев проживает за пределами России - в Монголии (около 12 тыс. человек) и Китае (более 4 тыс.). В этих странах они не имеют национально-территориальной государственности [4, с. 17, 23].

В отечественной историографии существует достаточно много интересных и разноплановых работ по разным аспектам истории, языка, культуры и этнографии тувинцев. Большинство этих работ посвящены тувинцам, проживающим в Российской Федерации. О тувинцах Монголии существует ряд серьезных публикаций российских и монгольских ученых этнолингвистического, фольклорного, филологического и историко-этнографического характера.

Несколько иначе обстояло дело с тувинцами, живущими в Китае. Вплоть до второй половины 1990-х гг. они оставались почти неисследованной во всех отношениях и даже загадочной группой населения страны. Как российская, так и зарубежная историческая наука долгое время не располагала какими-либо данными, которые давали бы более или менее целостное представление об этой группе тувинцев.

МОНГУШ Марина Васильевна, доктор исторических наук, вед. специалист Государственного архива РФ. РФ, 119435, Москва, ул. Б. Пироговская, 17 (monmarvas@mail.ru)

АРХИВНЫЙ ИСТОЧНИК О ТУВИНЦАХ СИНЬЦЗЯНА. 1935 г.

В процессе поиска достоверных сведений о китайских тувинцах мы натолкнулись на один уникальный документ, хранящийся в Центральном архиве документов партийных и общественных организаций Республики Тыва (ЦАДПОО РТ). Это - донесение сотрудника секретной службы Комитета госбезопасности Тувинской Народной Республики, который по под псевдонимом Чойган проник осенью 1935 г. к тувинцам в Синьцзян. Цель его поездки заключалась в сборе подробной информации о своих бывших соотечественниках [7, л. 28-31]. В его секретном донесении говорится, что в местности Шар-Суме обосновались 5 сбежавших из Тувы мужчин (названы их имена), которые живут вместе в одной палатке, у них 4 лошади, 10 овец и 2 козы. Сеют пшеницу. Живут бедно, питаются скромно.

Недалеко от них, около реки Монгайт, живет лама Идам-Сюрюн. Он женился на овдовевшей алтайке, у которой от первого брака остался сын. Они имеют коня, свыше 10 голов овец и коз. Идам-Сюрюн всегда носит монашескую одежду; в доме бережно хранит несколько буддийских сутр и изображение божества Чамзырын, которые в свое время вывез из Тувы.

Там же живут Аракчаа, Лопсан, Чымба-Хунду. Последний - грамотный человек, преподает монгольский язык. За работу в месяц получает 40 кг муки. Чымба-Хунду очень добротен одет, опрятен, но всегда грустен.

В местности Хандагаты живут братья Тундуу и Тоонек. Внешне производят впечатление вполне благополучных людей. Имеют двух крепких лошадей, живут вместе с алтайцами. Очень скучают по Туве. Тундуу в округе слывет шаманом, к нему за помощью обращаются местные жители.

Тувинские беженцы в Синьцзяне оказались под властью местного нояна Шаракпана, казаха по национальности. Его власть была неограниченной, он имел право единолично решать, кого наказать, кого помиловать, кого поощрить; он же разбирал судебные тяжбы. Последнее слово всегда оставалось за ним. Его поддерживали власти в Урумчи, с которыми Шаракпан связывался через рацию.

Чтобы прокормить себя, тувинцы шли работать к богатым казахам. Они целыми днями пасли их стада, но, вернувшись поздно вечером, часто оставались не накормленными.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С КИТАЙСКИМИ ТУВИНЦАМИ. 1993 г.

Сведения, почерпнутые из архивного документа, активизировали наши усилия по дальнейшему изучению китайских тувинцев. Летом 1993 г. нам представилась возможность побывать в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая, где состоялось личное знакомство с живущими там тувинцами, их повседневной

жизнью, бытом и культурой. Они сосредоточены на территории Алтайского аймака; основная их часть проживает на крайнем северо-востоке Или-Казахского автономного округа, преимущественно в уездах Каба и Бурчин, а также в уездах Алтай, Чингиль, Кок-Дугай и Бурул-Дугай [3, с. 5].

В Китае тувинцев называют «кок-мончаками» или просто «мончаками», хотя они сами себя называют «тыва». Есть предположение, что первыми их так начали называть казахи, и это название закрепилось как самоназвание народа. Согласно другой версии, когда-то тувинцев отличали от других народов Синьцзяна по синим лентам, которые они носили на шее, отсюда якобы и произошло название «кок-мончак», что переводится как «синие ожерелья», или «голубые шнуры», «голубые ленты».

Вопрос о численности китайских тувинцев оказался одним из самых сложных и запутанных, т.к. китайская статистика не выделяет их в качестве самостоятельной народности. По этой причине они не включены в официально утвержденный список народов страны. В результате опроса также выяснилось, что в паспорта мончаков записывают вовсе не мончаками, как их обычно именуют, а монголами, к чему они сами относятся вполне спокойно. Поэтому установить реальную численность тувинского населения в Китае практически невозможно. Однако, по мнению самих тувинцев, их численность не превышает 4 тыс. человек.

У китайских тувинцев устойчиво сохраняется традиционное деление на родовые группы и подгруппы. При этом каждый род, независимо от численности, делится внутри себя на более мелкие единицы - патронимии. Мы обнаружили у них родоплеменные группы [3, с. 11], в подавляющем большинстве совпадающие с названием родоплеменных групп российских тувинцев, за исключением таких, как *шанагаши*, *тос-кириши*, *шуудак*, *хойт*, *бештелик*, *конгуту*, *чагтыва*, которые не сохранились в этнонимике основного этноса.

Тувинцы Синьцзяна живут в многоязычной среде, поэтому по мере необходимости свободно переходят с одного языка на другой. Из языков окружающих их народов они достаточно хорошо владеют монгольским и казахским. Тувинский язык преимущественно употребляется в семье, а также во время таких семейных и общественных обрядов и церемоний, как свадьба, похороны и др.

Язык китайских тувинцев, в целом, совпадает с тувинским разговорным языком, хотя его фонетике, лексике, мелодике речи присуще некоторое своеобразие. В их речи заметен особый акцент, воспринимаемый на слух как влияние монгольского языка. Это неудивительно, т.к. носители данного диалекта на протяжении двухсот с лишним лет живут изолированно от материнского этноса и не имеют никакого общения с жителями Тувы. В то же время грамматический строй их языка, по существу, не отличается от такового основной массы тувинцев. Можно сказать, что мончаки создали самостоятельный диалект тувинского языка, сложившийся под влиянием монголь-

ского, казахского, частично уйгурского и китайского языков. Но он, к сожалению, пока остается малоизученным.

Китайские тувинцы не имеют своих школ, поэтому их дети учатся либо в казахских, либо в монгольских школах, причем предпочтение отдается последним, т.к. официально мончаки считаются монголами. Когда дети мончаков впервые приходят в школу, они не знают никакого языка, кроме тувинского. И поскольку преподавание ведется на монгольском языке, учителям начальных классов, а это, как правило, тувинцы, приходится переводить учебный материал с монгольского на родной язык. Но с 4-го класса учащиеся уже начинают не только понимать, но и говорить на монгольском языке, который постепенно вытесняет их родной язык. То же самое происходит в школе, где преподавание ведется на казахском языке.

Таким образом, тувинский язык как бы отходит на задний план, а доминирующими языками общения становятся монгольский и казахский. А в тех случаях, где один из родителей является представителем другой национальности, дети, как правило, уже не говорят на тувинском языке.

Потерю языка китайские тувинцы воспринимают очень болезненно, хотя и понимают, что не в силах изменить положение. Они полностью лишены того, что призвано гарантировать устойчивое сохранение языка, т.е. не имеют своей письменности, школ, учебников, печатных изданий и т.д. У них имеется только одна радиопередача из Тувы, которую ловят по транзисторному радиоприемнику. Конечно, эти 30-минутные вещания не решают проблему сохранения языка, они лишь поддерживают чувство их принадлежности к единому тувинскому этносу.

Китайским языком в начале 1990-х гг. тувинцы, как и их ближайшие соседи, владеют в недостаточной степени, хотя он входит в школьную программу и являлся обязательным для всех. Причина тому - удаленность и труднодоступность Алтайского аймака и его малая заселенность ханьцами - коренными носителями китайского языка, что, в свою очередь, позволяет местным жителям вполне спокойно обходиться без него в своей повседневной жизни.

Наличие же русских слов в языке народов Синьцзяна объясняется довольно просто: до начала «культурной революции» в Китае на территории Алтайского аймака проживало много русских староверов. Они жили большими деревнями, занимались земледелием, имели свои русские школы, куда брали учиться и местных детей.

Но грянувшая «культурная революция» пришлась им не по душе и вынудила покинуть обжитые места. Какая-то часть староверов уехала в Австралию, другая переехала в Америку через Бразилию, а большая часть обосновалась в России. С тех пор остались в языках местных народов русизмы. Местное население, кстати, с особой теплотой вспоминает то время, когда рядом с ними жили русские староверы.

Вполне ожидаемым было то, что среди наших

информантов оказались потомки эмигрировавших в начале XX в. тувинцев, т.е. тех, к кому в свое время ездил тайный агент под псевдонимом Чойган. Предки одного из них, Даша Оронбая (1962 г. рождения, уроженец Кома), переехали в Китай в 1913 г., т.е. через два года после падения господства маньчжуров на территории Тувы. Они, по его словам, были родом из Ак-Довурака - нынешнего административного центра Барун-Хемчикского кожууна Республики Тыва. Несколько семей бежали из Тувы в 1920-х - 1930-х гг., в частности, из-за того, что не приняли народную революцию 1921 г. Первоначально они проникли в Монголию, где какая-то их часть осела, а другая перебралась в Синьцзян.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Было бы ошибочным полагать, что тувинцы в Синьцзяне впервые появились в результате бурных политических событий, захлестнувших сначала Россию, затем Туву, Монголию и Китай в начале XX в.

В разных источниках встречаются утверждения о том, что они живут в этих краях уже, по крайней мере, два столетия. Русский путешественник М.И.Венюков, посетив эти места в 1871 г., отметил, что немногочисленная группа урянхов (тувинцев. - *М.М.*) живет в долинах правых притоков Черного Иртыша и их численность не превышает 1000 человек [2, с. 343]. Известный исследователь Средней Азии С.М.Абрамзон, исследуя этногенез киргизов, проживающих в Китае, установил, что в их этнический состав вошла небольшая группа тувинцев, принадлежащая к потомкам енисейских кыргызов, которая еще в начале XVIII в. была уведена джунгарами с Енисея в Синьцзян [1, с. 121].

Результаты наших исследований, которые основывались на воспоминаниях пожилых информантов (передающихся от поколения поколению в виде устной истории), показали, что в конце XVII в. небольшая группа тувинцев действительно обитала на территории Синьцзяна. Это было время, когда в Центральной Азии заметно ослабло влияние монголов, хотя они еще продолжали играть заметную роль в судьбах народов данного региона. Особое положение в этот период занимали западные монголы (ойраты): они имели довольно сильное государство - Джунгарское ханство, возникшее в 1635 г. и занимавшее территорию Джунгарии - северную часть современного Синьцзян-Уйгурского автономного района и западные части нынешней Монголии [6, с. 6]. Территория Тувы также частично входила в состав Джунгарского ханства.

В конце XVII в. участились раздоры и военные столкновения между джунгарским Галдан-ханом (1671-1697 гг.) и цинским императором Канси (1662-1722 гг.). Тувинское население, в одинаковой мере зависимое как от ойратов, так и от маньчжуров, было вовлечено в эту междоусобную борьбу, которая, в конечном итоге, завершилась

победой Цинской династии. В результате разгрома Джунгарского ханства небольшая часть тувинского населения оказалась на смежных территориях - на Монгольском и Китайском Алтае.

Во времена правления императора Цянлуна (1736-1795 гг.) цинские власти стали внедрять новую административную систему, путем деления своей территории на сумоны, хошуны и аймаки, в основе которой лежала испытанная веками родоплеменная структура. Самой низкой административной единицей был сумон, насчитывающий от 50 до 100 дворов, т.е., по существу, один большой род.

Известный исследователь Центрально-Азиатского региона А.М.Решетов приводит интересные сведения, согласно которым первоначально существовало семь тувинских сумонов, входивших в три хошуна, претерпевших впоследствии трансформации [5, с. 177]. Во время исследований в Синьцзяне нам неоднократно приходилось слышать о четырех сумонах (Дорт сумон), о которых упоминает А.М.Решетов. По мнению некоторых информантов, три из них были тувиноязычными, а один - монголоязычный, отсюда и произошло деление китайских тувинцев на тувиноязычных и монголоязычных. Последних в литературе часто называют «алтайскими урянхайцами».

Результаты наших исследований впоследствии легли в основу нескольких статей и отдельных монографий, а собранный исторический, этнографический, языковой и фольклорный материал был тщательно обработан и сдан в Архив Тувинского института гуманитарных исследований (ТИГИ). Так неожиданно малоизвестная во всех отношениях и почти мифическая группа китайских тувинцев, какой она представлялась раньше, перестала быть таковой.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Вторая поездка в Синьцзян состоялась летом 2012 г., т.е. почти 20 лет спустя. За это время в жизни народов Синьцзяна, в т.ч. тувинцев, произошли глобальные перемены. В 1993 г. тувинцы постоянно повторяли нам: «Мы живем в Богом забытом уголке, до нас никто не может доехать, мы оторваны от остального мира».

Места их проживания тогда, действительно, были чрезвычайно труднодоступными, неосвоенными и почти закрытыми для иностранцев. Однако теперь они стали местом притяжения многочисленных туристов со всех уголков Китая. Туристический бизнес в Алтайском аймаке, пока преимущественно ориентированный на внутреннего потребителя, значительно развернулся. Здесь построены хорошие дороги и гостиничные комплексы, устроены смотровые площадки, откуда можно любоваться красотами местной природы, выложены мощеные дорожки для пешеходных прогулок. Китайские тувинцы туристов называют «сайакатчылар». В 1993 г. этого слова не было в их лексиконе, они представления не имели, что такое туризм.

Теперь благодаря развитию туризма тувинцы

помимо традиционного животноводства заняты в новых для них сферах деятельности. Например, молодые пары зарабатывают тем, что катают туристов на лошадях, занимаются частным извозом. Некоторые семьи содержат мини-гостиницы при своих домах. Молодые тувинцы работают гидами и заодно демонстрируют перед туристами свои таланты: играют на традиционных музыкальных инструментах, исполняют тувинские народные песни и танцы, рассказывают туристам об истории и культуре своего народа. Другие заняты изготовлением сувенирной продукции; наиболее востребованы у туристов местный мед и тувинская молочная водка.

Предлагать коммерческий продукт научилась даже детвора. Мы видели 8-10-летних опрятно одетых детей с маленькими ягнятами, бойко предлагающих заезжим туристам сфотографироваться с их любимцем или же на память сфотографировать их самих. Такой снимок стоит 5 юаней. Дети таким образом вносят свой посильный вклад в семейный бюджет и учатся зарабатывать на жизнь. Чувство соперничества, желание быть лучше своих сверстников в этом деле им уже хорошо знакомо. Трудно сказать, к чему в будущем приведет подобная «жизненная закалка», но сегодня дети китайских тувинцев выглядят настоящими торговцами.

С целью узнать ближе китайских тувинцев в Алтайском аймаке по специальной программе работает киносъемочная группа из Урумчи. Ее правительство профинансировало на несколько лет вперед. По окончании проекта группа должна представить развернутую картину о жизни, быте и культуре китайских тувинцев в виде фотовыставок и телефильмов. На их основе правительство Китая будет изучать вопрос о дальнейшем развитии этой маленькой этнической группы, которая по какому-то недоразумению до сих не состоит в официальном списке малых народов Поднебесной. Руководителем этого проекта является китайский фотограф и кинооператор Сю Ван Ли, житель Урумчи.

Если в 1993 г. китайские тувинцы называли себя мончаками, поскольку их так называли соседние народы - монголы, казахи и уйгуры, то сейчас они упорно утверждают: «мы тувинцы» (*бис тыва бис*).

Активизировать свою тувинскую идентичность им помогает туризм, благодаря которому они превращаются в народ, в чем-то напоминающий музейный экспонат. Число желающих посмотреть на них растет из года в год - чем это не благоприятный момент, чтобы во весь голос заявить, что они тувинцы? В официальной статистике Китая насчитывается 56 национальных меньшинств. Тувинцы пытаются стать 57-й этнической единицей.

Заметные изменения произошли и в языковой ситуации. Во второй приезд мы обнаружили, что тувинский язык в Синьцзяне заметно обеднел, в каком-то смысле даже деградировал. Если раньше мы понимали все, что нам говорят, и нас понимали все, то в этот раз случались некоторые казусы: мы задаем вопрос, а в ответ слышим совсем не то,

о чем спросили. Моменты откровенного непонимания часто случались при общении с молодыми людьми.

Изменилось положение и китайского языка в Синьцзяне. В 1993 г. местные жители вполне спокойно обходились без него в повседневной жизни. Многие тувинцы в то время отмечали, что именно из-за слабого знания китайского их дети не могут поступить в высшие учебные заведения страны, где преподавание ведется исключительно на китайском. Поэтому их общий образовательный уровень часто ограничивался либо средней школой, либо средним специальным учебным заведением.

В 2012 г. ситуация выглядела уже иначе. Многие молодые тувинцы уже довольно прилично говорили и писали на китайском; китайский стал языком общения всех народов Синьцзяна. На этом фоне позиции местных языков, и тувинского в т.ч., заметно ослабели.

Изменился облик китайских тувинцев. 20 лет назад они выглядели более традиционно: были тихими, застенчивыми, немногословными и робкими, опускающими глаза при общении со взрослыми или незнакомцами. А сейчас они стали более раскрепощенными, общительными, умеющими считать деньги. Практичность и прагматичность становятся чертой их характера. Эти перемены происходят под влиянием ханьцев, активно переселяющихся на постоянное местожительство в этот регион и вступающих в разносторонние отношения с местным населением.

Заметные перемены произошли и в сфере семейно-брачных отношений. Когда мы были у китайских тувинцев впервые, они дружно уверяли, что у них не принято выходить замуж за китайца, да и китайцев тогда в их краях практически не было. Брачными партнерами тувинцев, в основном, были монголы и изредка казахи, а самым желанным партнером считался тувинец или тувинка.

Склонность к однонациональным бракам была продиктована не столько желанием сохранить «чистоту крови», сколько боязнью появления нового члена семьи, принадлежащего к другой национальности и в силу этого способного нарушить привычный уклад семейной жизни, существующие нормы взаимоотношений и этикета между поколениями и полами, традиции социального поведения и роль каждого члена семьи. Однако теперь браки тувинцев с китайцами стали вполне обычным и распространенным явлением.

В Алтайском аймаке в 2012 г. мы познакомились с несколькими интернациональными семьями, в которых жена - тувинка, а муж - китаец. 20 лет назад представить подобное было невозможно. Дети, рожденные в таких браках, обычно уже не идентифицируют себя тувинцами; они, как правило, не говорят на тувинском языке и в паспорте их записывают китайцами. Число таких семей неуклонно растет, что тревожит старшее поколение. Если так и дальше пойдет, то не закончится ли это полной ассимиляцией тувинцев?

Все эти перемены в жизни тувинцев Синьцзяна были зафиксированы нами в двух формах хра-

нения информации - в электронном и бумажном. Мы также сняли небольшой этнографический фильм о китайских тувинцах и их соседях - монголах, казахах, уйгурах и китайцах. Все эти документы в настоящее время хранятся в Архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (бывший ТИГИ).

Исследования китайских тувинцев в наши дни успешно продолжаются. Если в 1993 г. мы были первыми иностранцами, проникнувшими в их среду, то в XXI в. у них побывало несколько исследователей из Тувы. Результаты их исследований, которые пока носят предварительный характер, в будущем непременно выльются в фундаментальный труд. Это всего лишь вопрос времени.

* * *

Таким образом, источник, когда-то обнаруженный нами в хранилищах Центрального архива документов партийных и общественных организаций Республики Тыва, пробудил в нас настоящий исследовательский интерес и желание посетить Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая.

То, что в свое время в Синьцзяне увидел и описал Чойган, сотрудник секретной службы Комитета госбезопасности, и то, что узнали и увидели мы, безусловно, существенно отличаются друг от друга, но в том и другом случае мы делали одно дело - изучали тувинцев Синьцзяна. И в этом смысле трудно переоценить ценность и важность архивных документов, благодаря которым мы познаем свое прошлое, чтобы лучше понять настоящее.

Список литературы / References

1. Абрамзон С.М. Киргизы Китайской Народной Республики // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук. Т. III. Вып. 2. Фрунзе, 1961. (Abramzon S.M. 1961. Kyrgyz of People's Republic of China, Frunze) (In Russ.)
2. Венюков М.И. Заметки о населении Чжунгарского пограничного пространства // Известия ИРГО. Т. VII. - СПб, 1871. (Venjukov M.I. 1871. Notes about the population of the Chzhungarian boundary space. St-P.) (In Russ.)
3. Монгуш М.В. Тувинцы в Китае (историко-этнографический очерк). Кызыл, 1997. (Mongush M.V. 1997. Tuvans in China: historio-ethnographic sketch. Kyzyl) (In Russ.)
4. Монгуш М.В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака, Национальный музей этнологии, 2010. (Mongush M.V. 2010. One people: Three destinies. Tuvans of Russia, Mongolia and China in comparative context. Osaka) (In Russ.)
5. Решетов А.М. Тувинцы и алтайские урянхайцы в Китае: проблемы истории, этноса и языковой ситуации // Общество и государство в Китае. XXI научная конференция. Тезисы докладов. Т. II. М., 1990. С. 176-180. (Reshetov A.M. 1990. Tuvans and the Altai Urianhas in China: problems of history, ethnos and language situation. M.) (In Russ.)
6. Таубе Э. Сказки и предания алтайских тувинцев. М., 1994. (Taube E. 1994. Fairy tales and legends of the Altai Tuvans. M.) (In Russ.)
7. ЦАДПОО РТ, ф. 1, оп. 1, д. 1803, л. 28-31. (Central Archive of Documents of Parties and Public Organizations. Kyzyl) (In Tuvan)